Хотел бы выразить слова искренней признательности Полине Михайловне Козыревой — любимой ученице отца, заместителю директора по научной работе Института социологии, за организацию мероприятий года памяти, посвящённых столетнему юбилею со дня рождения В. В. Колбановского; Елене Ивановне Григорьевой — за создание памятного сайта. Сердечно благодарю Елену Викторовну Зорину, сестру отца, и её сына Костю, Юрия Григорьевича Рудого, Зинаиду Тихоновну Голенкову, Валентину Борисовну Кефели, Ирину Викторовну Бурьянову и всех, кто написал и, возможно, ещё напишет тёплые слова и добрые воспоминания о Варлене Колбановском. Спасибо всем, кто любит и помнит моего отца!

Воспоминания об отце. Метод Колбановского

Я хочу написать об отце как о живом, многогранном человеке, одарённом многими талантами, с благородной душой и уникальным разумом. Не ограничиваясь биографией, датами, событиями и другими фактами — пусть важными, но всё же представляющими собой лишь отдельные элементы большой и красивой человеческой мозаики, которую являл собой мой отец. С годами эта картина не тускнеет, а, напротив, становится всё более глубокой, красочной и внутренне значимой.

Основное внимание я хотел бы уделить не только событиям его жизни, но его стилю, его способу мыслить и жить — тому, что я называю методом Колбановского. Это была особая система познания и взаимодействия с окружающим миром: с пространством, временем, людьми, прошлым, настоящим и будущим. Варлен Колбановский постоянно совершенствовал этот стиль, этот метод и постарался, насколько возможно, передать его мне — не только как сыну, но и как своему ученику. Я этим очень дорожу и продолжаю развивать метод Колбановского в собственной жизни и практике. Отец учил меня быть личностью: свободной, гармонично развивающейся, ответственной за собственный выбор, способной к критическому мышлению, анализу и переосмыслению полученного опыта, милосердию и состраданию. Его память для меня — не архивная полка, а живая традиция жизненной мудрости и высоких нравственных категорий. Одним словом, это продолжающийся путь — живой, трудный и увлекательный.

Свобода выбора и ответственность

Одним из первых и вместе с тем главных уроков, которые я получил от отца, был урок свободы выбора. Но свободы не как безответственной вседозволенности, не как права вытворять всё, что вздумается, а как глубоко внутреннего, онтологического

человеческого права свободного выбора, в котором неизменно присутствует личная ответственность за принятое решение. Отец никогда не подавлял мою волю. Он мог спорить, объяснять, аргументировать, помогать увидеть последствия, но в главном уважал моё право на самостоятельное решение. Сейчас я понимаю, насколько это было важно. Воспитать свободного человека — значит не просто дать ему советы, а признать за ним право самому выбирать путь и самому нести ответственность за этот выбор.

Возможно, первым по-настоящему серьёзным решением в моей жизни стало решение поступить в Ленинградское Нахимовское военно-морское училище. Это был 1985 год. Будучи ещё совсем молодым человеком, пятнадцатилетним школьником, я самостоятельно принял решение, которое во многом определило мою дальнейшую жизнь. И отец не только не стал препятствовать этому выбору, но поддержал меня — нравственно, интеллектуально и практически. Он поехал со мной в Ленинград. Для меня это была не просто поездка на экзамены или мандатную комиссию. Это был первый настоящий опыт вступления во взрослую жизнь рядом с отцом, который не вёл меня за руку как ребёнка, но находился рядом как старший, мудрый и надёжный родитель-наставник.

На отца произвело сильное впечатление само училище: строгая дисциплина, офицерско-преподавательский состав, атмосфера внутренней собранности и служения. Особенно — начальник училища, Герой Советского Союза, контр-адмирал Лев Николаевич Столяров, легендарный подводник-атомщик. А несколько позже, когда я стал нахимовцем, на него произвёл впечатление и офицер-воспитатель нашего 44-го класса — капитан 3-го ранга Анатолий Петрович Салеев. Отец увидел в этом учебном заведении не казарму и не внешнюю муштру, а школу формирования молодых людей. У него даже возникла ассоциация с Пушкинским лицеем — строгим по дисциплине, но дающим прекрасное образование, чувство долга, любовь к Родине и, что наиболее значимо, внутренний стержень, культуру мышления и поведенческий кодекс.

Но стать нахимовцем отец помог мне не только своим личным присутствием. Он буквально насытил мой ум своим знанием общественной ситуации в СССР и за рубежом, гуманитарной и политической реальности того времени. Обстоятельства были непростые: я не был комсомольцем, существовали и другие анкетные вопросы, которые в советской военной системе могли иметь значение. Но, опираясь на отцовские знания и его стиль, я прошёл этот этап достойно и спокойно. В результате решением начальника училища я был принят. Теперь я понимаю: это был не просто момент поступления в училище. Это был момент моего первого самостоятельного выбора, осуществлённого при отцовской поддержке. Отец не выбирал за меня. Он не навязывал мне своё видение моей судьбы. Он сделал нечто большее: помог мне впервые почувствовать себя субъектом собственной жизни.

С этого, возможно, и началась моя взрослая внутренняя школа: выбирать самому, понимать цену выбора и отвечать за его последствия. За два года Нахимовское училище сформировало во мне структуру, мышление и принципы, ставшие фундаментом моей

дальнейшей судьбы. А с некоторыми моими однокурсниками — «питонами», как называют себя выпускники-нахимовцы, — наши судьбы пересекаются уже многие десятки лет: с Серёжей Железняком, Димой Велеславовым, Марком Богословым, Лешей Дроботом и другими ребятами.

Творчество и внутренняя свобода

Подмосковная Приакадемическая филармония — творческая республика свободного духа

После урока свободы выбора был другой, не менее важный урок — урок критического мышления. Отец никогда не учил меня простому отрицанию или грубому протесту. Он учил способности видеть реальность во всей её сложности, не принимать готовые формулы на веру, различать живую мысль и мёртвую догму, понимать, где за официальными словами стоит подлинный смысл, а где — только идеологическая оболочка.

Одним из главных пространств, где этот метод передавался мне через саму атмосферу жизни, была Подмосковная Приакадемическая филармония. Для отца это была не просто дружеская компания, домашний театр, новогодние спектакли, туристические походы, песни, стихи, пародии и музыкальные представления. Это была особая среда, которую составляли представители элиты советской интеллигенции — академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук, научно-технические корифеи, гуманитарии и люди творческих профессий: умная, ироничная, культурная, добрая и внутренне свободная.

Филармония не была какой-либо официальной общественной, тем более политической организацией, не считала себя оппозицией официальной системе и не занималась политикой в прямом смысле. Но в ней существовала способность свободно видеть и свободно оценивать действительность творческим языком. Через юмор, музыку, литературные образы, пародии, сатирические маски и дружеские тексты возникал собственный филармонический мир — живая творческая республика свободного духа. Эта республика существовала не только в комнатах, за праздничным столом или на сцене домашних спектаклей. Важной частью её жизни были походы, поездки, экспедиции, общение с природой. В этом тоже проявлялась внутренняя гармония филармонического круга. Их мир не был кабинетным и замкнутым. Он дышал воздухом дорог, лесов, рек, встреч, песен у костра, общих впечатлений и открытий. Природа, дружба, творчество и мысль соединялись в единую форму жизни.

В книге о Филармонии хорошо чувствуется, что её спектакли и тексты проходили через несколько эпох: конец хрущёвской оттепели, брежневский застой, перестройку и смутное постсоветское время. Внешняя реальность была насыщена лозунгами, пропагандой, идеологическим диктатом, чинопочитанием и бюрократической мертвечиной. А внутри филармонического круга сохранялось пространство живого слова, умного смеха, музыкальной игры и человеческого света. Филармония

пользовалась эзоповым языком, подтекстом, музыкальной пародией, литературной аллюзией. В её творчестве было многое — от лёгкой иронии до довольно жёсткой социальной и политической сатиры. Но эта сатира не была злой или разрушительной. В ней чувствовались культура, мера, образованность и внутренняя доброта. Смех становился способом увидеть фальшь официального слова, лицемерие общепринятых нарративов, нелепость казённого самодовольства, слабость бюрократических масок и противоречие между громкими заявлениями и реальной жизнью.

Для отца это было особенно важно. Он многое видел, понимал и глубоко переживал. Далеко не всё, что он видел, можно было прямо высказать в официальном научном или публичном пространстве. Система имела реальные рамки. При этом отец и в научной жизни умел говорить смело. Но творчество давало иную степень свободы: оно позволяло выразить правду образом, интонацией, шуткой, художественной формой. Поэтому творчество было для него не развлечением на периферии серьёзной жизни, а одним из способов свободной самореализации. Через творчество можно было сохранить правду, не превращая её в плакат. Можно было обойти запрет культурой, мыслью, талантом и иронией. Можно было жить в пространстве, где человек не только играет и смеётся, но и распознаёт реальность глубже, чем это позволял официальный язык.

Особая роль отца в этом мире тоже многое говорит о нём. В филармоническом кругу за ним закрепилось дружеское прозвище Комиссар — не в казённом, а скорее в иронически-интеллектуальном смысле. Он был хорошо подкован в философии и политике, обладал редкой памятью, писал стихи, пел приятным баритоном, участвовал в сочинении текстов, исполнении ролей, обсуждении сюжетов. Вместе с Богданом Поповским — Директором Филармонии — он был одним из тех, кто формировал её внутренний стиль и творческий язык. Для меня, ещё школьника, эта среда стала настоящей школой жизни. Я видел, что взрослые люди могут жить не только внутри официальных ролей, должностей и обязательных формул. Они умеют создавать вокруг себя пространство, где мысль свободна, слово многослойно, смех умен, а дружба становится формой духовной поддержки и развития.

Позднее, особенно начиная примерно с 2011–2012 годов, когда я серьёзно занялся геополитикой и стратегическим анализом, я всё чаще понимал, насколько важным оказался для меня этот филармонический опыт. Я стал воспринимать творчество не только как художественное самовыражение, но и как способ анализа и формирования реальности. В работе с образами будущего, сценариями, смыслами и скрытыми процессами мне очень помог метод, который отец передал мне через свою жизнь: умение не становиться пленником навязанной картины мира, а выстраивать собственное пространство понимания.

Поэтому Подмосковная Приакадемическая филармония для меня — не только дорогая семейная и культурная память. Это один из истоков метода Колбановского. Там, в филармонической атмосфере, я впервые увидел, что человек способен создавать вокруг

себя живую, свободную и человечную реальность — своим духом, словом, мыслью и любовью к людям.

Книги, образы и каталог архетипов

К этой же школе внутренней свободы относился и мир книг, который отец открывал мне с детства. Это было не просто домашнее чтение отца. Через Мистера Пиквика и других диккенсовских героев, Ходжу Насреддина, Владимира Соловьёва, глуповских губернаторов Салтыкова-Щедрина, персонажей Джерома К. Джерома, Джека Лондона и многих других авторов отец передавал мне целый каталог человеческих характеров, нравственных ситуаций и исторических архетипов. Литературный образ преподавался мне как инструмент познания жизни. Этот мир образов естественно соединялся с филармонической традицией: там, где прямая формула была бедна или опасна, образ, ирония, притча и художественная интонация давали возможность сказать о реальности свободнее и многограннее.

Отец-диалектик: от марксиста-атеиста к практикующему даосу

Отец был человеком с удивительным опытом мировоззренческого развития. В молодости и зрелые советские годы он, безусловно, принадлежал к поколению убеждённых марксистов-атеистов. Но и тогда в марксизме для него главным была не догма, не партийная схема, не набор обязательных цитат, а живая диалектика — способность видеть движение, противоречие, развитие, внутреннюю связь вещей и историческую изменчивость мира. Именно способность диалектического переосмысления картины мира и отказ от устаревших догм — одно из самых важных определений его ума.

Философская основа отца была очень широкой. Он прекрасно знал немецкую классическую философию, свободно мыслил в категориях диалектики, любил и глубоко ценил французское Просвещение. С особым уважением относился к философии Древней Греции — к великой троице Сократа, Платона и Аристотеля. Но при этом он не замыкался ни в одной традиции. Русская философия, европейская мысль, античная мудрость, современная социология, исторический материализм, последние научно-технические достижения в области ядерной физики и квантовой механики, литература, музыка, геополитика и политическая история — всё это входило в его внутренний интеллектуальный мир не как музей цитат, а как живое пространство мышления.

Он мог свободно обращаться к философским категориям не только как учёный, но и как личность. Для него философия была не отвлечённой дисциплиной, а способом понимать жизнь. Поэтому его путь не остановился на марксизме. Диалектический ум не мог не искать дальше. Там, где догматик строит стену, отец открывал дверь. Он всё время учился, всё время впитывал новое, всё время проверял свой опыт более широкими горизонтами.

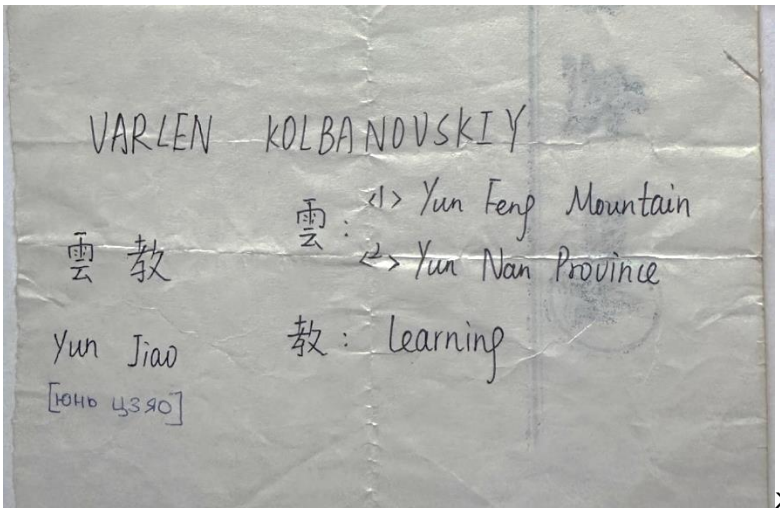
На определённом этапе мы вместе вошли в мир восточных практик и восточной философии. В этой ситуации я в какой-то степени оказался для отца проводником. Сначала всё начиналось с вполне практических, оздоровительных занятий. Восточные практики — тайцзицюань, багуачжан, медитации и т. д. — помогали и ему, и маме, и мне сохранять и развивать хорошую физическую и энергетическую форму. Это было важно не только как гимнастика или телесное упражнение. Постепенно в практике открывался иной взгляд самого практикующего на дыхание, энергию, внутреннюю концентрацию и взаимосвязи тела, души и духа.

Отец не мог ограничиться только оздоровительной стороной. Его ум неизбежно пошёл глубже — к философии, к Лао-цзы, к даосской традиции, к пониманию мира как потока, пути, равновесия, изменения и внутреннего следования природе вещей. Для него это было не бегство из прежней системы взглядов, а естественное продолжение его диалектического развития. Марксист-диалектик, прошедший через немецкую философию, античность, французское Просвещение и русскую мысль, неожиданно, но вполне органично соприкоснулся с даосизмом.

Особое значение имела наша поездка в Китай осенью 2002 года. Мы оказались в провинции Юньнань, на горе Юньфэн, в даосском храмовом комплексе — Yúnfēng Shān Dàoguān. Там произошла церемония, после которой отец получил даосское имя — Yun Jiao — Юнь Цзяо.

Этот эпизод был очень важным и непростым. Насколько я помню, отцу было нелегко внутренне решиться на саму церемонию, потому что она требовала преклонить колени перед высшим — перед Творцом, перед божеством, перед Богом, как бы ни называлась эта высшая реальность в разных традициях. Для человека, прошедшего путь советского марксиста-атеиста, это было не просто внешнее движение, а серьёзный внутренний шаг. Но отец обладал объёмным пониманием мира. Он мысленно пообщался с Лао-цзы, основателем даосской духовно-философской традиции, нашёл с ним личное внутреннее согласие и на следующий день уже перед ним, как своим Учителем, смиренно преклонил колени. В тот же вечер он написал об этом стихотворение. Мы все слушали его с восхищением.

Сохранившийся листок с даосским именем отца позволяет точно зафиксировать этот момент. Первый знак имени — Юнь — означает облако и одновременно связывает имя с горой Юньфэн и провинцией Юньнань. Второй знак — Цзяо — означает учение, наставление, передачу знания. Поэтому имя отца можно понять как «Учение Облака», или глубже — как образ человека учения высшего небесного знания. Я думаю, что это имя очень точно легло на его личность.



ж

Даосский опыт был не единственным расширением его горизонта. В Мексике мы знакомились с древними традициями Латинской Америки, в Великобритании и Шотландии — с кельтской культурой. Эти поездки и встречи не были для него простым туризмом. Он воспринимал их как прикосновение к иным мирам, иным историческим слоям, иным формам духовной памяти. Всё это давало ему новый творческий импульс — как учёному, как философу, как социологу и как человеку. Так в нём постепенно раскрывался удивительный путь: от убеждённого марксиста-атеиста к практикующему даосу; от рационального советского учёного к человеку, всё глубже чувствующему трансцендентное измерение мира. Но при всей широте этого пути он оставался самим собой — диалектиком, ищущим истину, способным соединять разные традиции не механически, а внутренне, через опыт, мысль и живое переживание.

Отдельно для меня стоит вопрос об отношении отца к Иисусу Христу. Отец не был крещён. Но, не будучи христианином в каноническом смысле, он удивительно глубоко исполнял Христову заповедь любви к ближнему: «да любите друг друга» (Ин. 13:34; 15:12). В нём была редкая способность милосердия и сострадания. Он не только сочувствовал человеку, но и сердцем принимал на себя чужую боль, чужую скорбь, чужую немощь. Он помогал людям советом, участием, вниманием, самим своим присутствием. В нём жило это тихое, глубокое, смиренное евангельское: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6:2).

Для меня это один из самых сокровенных парадоксов его личности: человек, вышедший из марксистского атеизма, прошедший через философию, диалектику, даосскую практику и широкий трансцендентный поиск, в самой глубине своей души жил по

заповеди любви к ближнему. И, возможно, именно эта любовь — деятельная, сострадательная, сердечная — открывала ему те врата Царства Небесного, о которых он не всегда говорил прямо, но к которым всей своей благородной душой был обращён.

Заключение

Завершая эти воспоминания, я не чувствую, что речь идёт о жизни, оставшейся только в прошлом. Варлен продолжает свой путь в развитии метода, который он создал и передал своим последователям, ученикам и мне лично; в развитии идей, знаний, памяти и в сердцах людей, которым был близок. Он продолжает жить в духе — как философ, драматург, учёный-социолог, поэт, человек благородной души и внутренней свободы. Этот путь уже невозможно ограничить земной биографией: он переходит в пространство памяти, благодарности, вечности и света. Именно к этому ощущению обращены строки, которыми я хотел бы завершить эти воспоминания.

Вместо эпилога — стихотворение

Дорога в вечность

Памяти Варлена Колбановского,
ушедшего в вечность в возрасте 88 лет 3 декабря 2014 года.

Две восьмёрки — бесконечность
Человек уходит в вечность
Покидая мир земной
Дом, друзей и край родной.

Что приносит он с собой
В мир небесный, в мир иной
Полный чудных откровений
Где нет грусти, нет сомнений.

Благородная душа
Ввысь восходит не спеша
Отрешая все заботы,
Крылья горнего полёта.

Дух философа, поэта
Видит луч благого света,
Неземных зарниц сиянье
И священное вниманье.

Видит Дух, что миром движет,
Дух животворит и дышит,
В нём великая свобода,
В нём небесных сил природа.

Благородная душа
По дороге, не спеша,
Бросив скорбь земных забот,
Отправляется в поход.

Истине не изменяя,
Вечную Любовь внимая,
Дух философа, поэта
Ввысь идёт дорогой света.